

Камень умолчания

В 1985 году в центре Иркутска обозначили место будущего памятника декабристам, установив камень с соответствующей надписью. Был даже проект монументальной скульптурной группы, но он вызвал резкие возражения – шла уже эпоха гласности и перестройки.

Провели конкурс и даже организовали в музее выставку лучших проектов, собирая отзывы посетителей. За тем стало не до памятников. Уже несколько лет, как время монументальной скульптуры в Иркутск вернулось – водружен памятник адмиралу Колчаку, восстановлен – Александру Третьему. Несколько раз предлагались различные памятники – не декабристам – но на то самое место, где и сейчас стоит памятный камень.

В иркутском доме Трубецких молодой историк уверял зарубежного слависта, что советская власть настороженно относилась к декабристам и культ их возник вопреки этому отношению. Это было не так: каждый советский школьник знал про декабристов, что они “разбудили Герцена”, а каждый хорошист или отличник, что декабристы – это дворянский период революции, имевший развитие в дворянском периоде русской литературы – от Пушкина до Гоголя. В начале фантастического сериала, который смотрело всё последнее поколение советских подростков, московский мальчишка отправился в будущее, чтобы, как потом выяснилось, бороться со вселенским злом, прямо из старого особняка, принадлежавшего кому-то из декабристов. Во всяком случае так сказал мальчишке эрудированный друг: декабристы здесь собирались и, наверняка, где-то в доме есть тайник, в котором хранили оружие для борьбы с самодержавием. Кому же как ни декабристам мог принадлежать этот выселенный для реставрации дом, если он был явно дворянским и в тоже время “своим”, соседским?! (Сноска: т/ф “Гостья из будущего” по сценарию Кира Булычова).

Сейчас, когда советская история ретроспективно “выпрямляется”, кажется странным пиетет перед дворянами-революционерами в аскетичной “стране трудящихся” - советские пионеры, выросшие в малометражных хрущевках и коммуналках (во всяком случае - “книжные” мальчики и девочки), числили себя наследниками великосветских офицеров, соединивших обаяние элитарной культуры с романтикой революции. Культ декабристов существовал и как бы не был он парадоксален, парадоксальность эта не осознавалась, хотя иногда и остранилась идеологической карикатурой. Ненамеренной - вроде скульптурной композиции на станции Петровский завод: фигура Ленина над горельефами отбывавших каторгу декабристов. Или пародийной, как в “балладе об историческом недосыпе “Памяти Герцена” Наума Коржавина: вся история русского революционного движения предстала цепной реакцией лжегеройства после того, как декабристы потревожили сонное царство России. Заметим, что сами декабристы не были поэтом осмеяны - российский интеллигент, как бы язвителен он не был, здесь останавливался. Миф был совсем не случайным - скорее системным - для исторической мифологии советского времени, которая не сводилась к советскому, а иначе бы не была устойчивой для нескольких поколений. Даже пиетет “партии рабочего класса” перед декабристами не был идеократическим изобретением – достаточно вспомнить, что название первой социал-демократической газеты “Искра” её основатели связывали со строкой из “Нашего ответа” Одоевского Пушкину “Из искры возгорится пламя”. Культ декабристов – один из самых ярких примеров подпитки советской идеологии ценностями русской “высокой классики”.

Наум Коржавин заявил о своей “зависти” декабристам в 1944 году, будучи девятнадцатилетним студентом, приехавшим в Москву из провинции:

Можем строчки нанизывать

Посложнее, попроще,

Но никто нас не вызовет

На Сенатскую площадь.

И какие бы взгляды вы

Ни старались выплескивать,

Генерал Милорадович

Не узнает Каховского.

Пусть по мелочи биты вы

Чаще самого частого,

Но не будут пытать

Имена соучастников.

Мы не будем увенчаны...

И в кибитках,

снегами,

Настоящие женщины

Не поедут за нами.

Коржавин был по своей более поздней оценке к моменту ареста в 1947-м, а, значит, и тогда – в 1944-м, когда написал “Зависть”, абсолютным сталинистом. Но даже безотносительно к самооценке его зависть к декабристам – зависть советского юноши, воспитанная в том числе школьными курсами литературы и истории, культивированием Пушкина - не вопреки, а по активной инициативе власти. И не она ли привела к противостоянию поэта и режима?

Ленинская культурная модернизация была ответом на вопросы, мучившие образованного человека в России девятнадцатого века, и память о декабристах прошла через двадцатый век благодаря этому. Власть модернизаторская, культтреггерская не могла не создавать историческую санкцию для себя из высокой русской классики. Противоречивость данного обстоятельства (неочевидная в советскую эпоху, но явная сегодняшнему взгляду) определила и то, что советские образы “первых русских революционеров” всегда сохраняли в себе потенциал, если не оппозиционный, то альтернативный официальной – “классовой” – историософии, непартийную эстетику и нравственный идеал, не вписывающийся в социалистическую мораль. Отсюда и убежденность молодого историка в некоей оппозиционности «культа декабристов» – на расстоянии публичную неофициозность немудрено принять за антиофициозность. Но музеи декабристов в Иркутске, Москве, Чите и в небольших городах, а то и селах открылись либо до перестройки, либо в самом её начале, многолюдные конференции проводились государственными университетами, а книжные серии – научные (как “Полярная звезда” или “Мемуары декабристов”) и художественно-публицистические, в которых непременно отводилось место декабристам («Жизнь замечательных людей», “Пламенные революционеры” или “Пионер – значит, первый”) выходили в государственных издательствах.

Кавалергарды на Сенатской. Романтическая притча.

Тема декабризма была растабуирована в России в 70-х годах девятнадцатого века – вместе с выжившими в сибирской ссылке декабристами и их детьми в метрополию пришли письменные и устные воспоминания, развернувшие в общественной памяти то, что пытался напоминать из своей эмиграции Александр Герцен. Образы, прототипом которых были вернувшиеся изгнанники, появились в беллетристике, Николай Некрасов написал поэму о княгинях Трубецкой и Волконской, Лев Толстой замыслил роман «Декабристы».

Революционные события 1905 года и Манифест, давший возможности открытого либерального высказывания, совпали с восьмидесятилетием восстания на Сенатской и декабристы были возведены в родословную борьбы с самодержавием, в конституционалистскую традицию. Обозначилась и тяжба за наследство – в 1907 году появилась статья Ленина “Памяти Герцена”, где были выделены этапы революционного движения в России. Лаконичная концепция вождя большевиков дала основания к закреплению места декабристов в советском мартирологе, которое произошло уже после Октябрьской революции.

Столетие восстания в 1925 году – в пору нэповской свободы книгоиздания – стало основным импульсом для исследований декабризма. Многочисленные первые издания документов о восстании и следствии, письменного наследия самих декабристов датированы именно серединой двадцатых. А то обстоятельство, что

столетний юбилей совпал с двадцатилетием первой революции, сыграл решающую роль для советской канонизации революционных дворян – придавая юбилею официальный характер, большевики утверждали свою правопреемственность в борьбе против векового гнета и нравственную легитимность революционной борьбы с царизмом.

Следующий вклад в канонизацию внесло другое столетие – гибели Пушкина. Декабристы предстали в советской пушкиниане апостолами свободы, гениального певца которой убил царизм. Странный юбилей мученической смерти поэта («сто лет без гения») пришелся не только на пиковый год репрессий, но и на пик упрощения отечественной истории и её преподавания. Ленинская периодизация стала формулой-каркасом, на основе которой описывался девятнадцатый век, и той исторической цепью, которая соединяла уже в школе декабристов, если не с октябрятами, то с пионерами и комсомольцами как продолжателями русской революции.

Восстание декабристов в Советском Союзе всегда было притчей -притчей о романтической попытке выступить против самовластия, обреченной в тех исторических условиях. Вариант успеха не рассматривался. Такие предположения противоречили бы психологии советского исторического человека: любое происшедшее событие с неумолимой логикой объяснялось исторической необходимостью, а, значит, не могло не случиться. И, разумеется, дворянская революция в силу своей ограниченности не могла быть успешной. Причем обреченность попытки была как бы понятна и самим восставшим – во всяком случае Пушкин, согласно этой притче, не был ими взят в заговор из бережного отношения к российскому гению. Тем значимее и возвышеннее была жертва, принесенная передовыми людьми России, которым в отличие от марксова пролетариата было что терять – блестящую (в вальсах и поэтичных романах) жизнь высшего света.

Притча о героизме обреченных задавала границы даже исследовательским проблемам – очевидный для историка вопрос о нереализованных возможностях восстания был замещен темой обреченности. Обреченность революционной попытки дворян определялась узостью их исторического мышления и непоследовательностью задач, которые в свою очередь определялись дворянским происхождением. Обреченность предшественников помогала утверждать историческую предначертанность большевистских успехов.

Антирежимные смыслы романтической притчи открылись лишь для одного советского поколения - для «шестидесятников» – и открылись с наступлением брежневского безвременья, которое напрашивалось на параллели с николаевской Россией. Самым откровенным выявлением этих смыслов стала песня Александра Галича, настойчиво ставившая вопрос «Можешь выйти на площадь?» Галич связал в единую историческую цепь выход в августе 1968 года на Красную площадь семи советских интеллигентов, протестовавших против ввода войск в Чехословакию, и стояние на Сенатской полков, отказавшихся присягать Николаю.

Песня возникла на перекрестке двух бесспорных для «шестидесятников» нравственных образцов, двух должностований. Поэзия Галича и его вопрошание было «в упор» адресовано интеллигенции так же, как в упор смотрели глаза красноармейца на плакате Моора («Ты записался добровольцем?») в Гражданскую войну или глаза Матери-Родины («Родина-Мать зовет») в Великую Отечественную. Долг наследника революции, «советского мальчика», воевавшего или выросшего после войны требовал быть готовым к мобилизации. А категорический императив русской интеллигенции не допускал сомнений, что искренность для честного человека выше расчета. Так еще в период формирования диссидентство сделало декабристов своей исторической рифмой.

Попытка революционного государственного переворота отныне была протестом честного человека против самовластия, душевным порывом тех, для кого свобода - ценность, а не политическая задача. Уклонение от душевного порыва было нарушением категорического императива, подчинением общему духу безвременья:

Время ненастное, ветер неласковый,

хмуры ленинградская.

Площадь Сенатская, площадь Сенатская,

площадь Сенатская.

Цокали, цокали, цокали, цокали,

цокали лошади

Около, около, около, около,
около площади.
Мысли горячие, мысли отважные,
мысли преступные.
Вот она - рядом, доступная каждому
и - недоступная.
Днями-неделями выйти не смели мы, -
время нас не щадит.
Вот и остались мы, вот и состарились
около площади.
Так и проходят меж пьяной беседою,
домом и службою
Судьбы пропавшие, песни неспетые,
жизни ненужные...
Цокали, цокали, цокали, цокали,
цокали лошади
Около, около, около, около,
около площади.

(Александр Городницкий. Около площади. 1981г.)

Песня "Около площади" вошла в альбом песен, написанных Городницким в начале 80-х, который назывался по имени одной из них - "Спасибо, что петь разрешили". Дело не в каком либо курсе на ослабление цензуры, а в том, что выработались способы разговора, музыкальный язык, киноязык, наконец – «магнитофонная» культура, позволяющие публичному пространству быть хоть в какой-то мере разгосударственным, что впрочем не сделало его деидеологизированным. Это публичное пространство было общим для обширного круга людей и в то же время приватным. Его культура предполагала как неременный этап творчества индивидуальную работу мысли и воображения читателя, зрителя, слушателя, внешней цензуре не подвластную.

Среди книг, которые были наполнены аллюзиями и неконтролируемым подтекстом (так изящно выражались советские цензоры), были заметны и книги о декабристах - прежде всего, повести Натана Эйдельмана (о Луние, Пущине, Муравьеве-Апостоле, Раевском) и Булата Окуджавы (о Пестеле)

В подцензурной исторической прозе, также как в пьесе Эдварда Радзинского о Луние духота эпохи была фоном и причиной внутренней драмы героев, стремившихся сделать мир лучше, прорваться к полной и настоящей жизни – драмы подлинности, вынужденной вести неравный бой с подлостью.

Романс Исаака Шварца на стихи Окуджавы "Кавалергарда век недолог" окрасил образ совестливых дворян еще и обаянием молодости, гусарства. Снятый к сто пятидесятилетию восстания фильм Владимира Мотыля "Звезда пленительного счастья" и эта песня, которая была для фильма написана, не просто добавили новые краски в романтическую притчу – утвердили новую интонацию. Эта интонация, которая звучала без диссидентского вызова и почти без либерального подтекста, была в тоже время глубоко альтернативна официальной истории и советской героизации тем, что воспевала не самопожертвование, а самоутверждение человека, стремящегося к свободе. К тому же песня и фильм были восприняты не только теми, кто читал повести Эйдельмана или видел спектакль по пьесе Радзинского в театре на Малой Бронной. Притча вступила в новый этап своего бытия – стала естественной частью неидеологической романтики советской

интеллигенции. Культура эта была, хотя и элитарной, но достаточно массовой, к тому же её носители - люди, не чуждые просветительской миссии. Пение у костра, поэтические композиции старшеклассников, выставки в библиотеках подхватывали именно такую – романтическую - интонацию.

Добровольное изгнание. Героический романс.

“Сибирь так ужасна, Сибирь далека,
Но люди живут и в Сибири!”
Н. Некрасов “Русские женщины”

“Звезда пленительного счастья” - фильм двухсерийный. И если основой первой серии была притча о восставшей аристократии, то вторая серия с экспрессией вызова выплеснула на экран образ не менее (если не более) значимый для “книжной” советской культуры – жены приговоренных к каторге, ринувшиеся в заснеженные просторы за обреченными мужьями.

Образ давно и глубоко укоренен: декабристка было и остаётся именем нарицательным, обозначающим готовность женщины подчиниться обстоятельствам жизни своего мужчины, особенно если речь идет об отъезде “в неизвестность”.

В большинстве интернет-каталогов на видеопroduкцию говорится, что это фильм о “подвиге русских женщин”. Представление о выборе декабристками своей судьбы как высшем проявлении женского национального характера восходит к “Русским женщинам” Николая Некрасова. И тогда уже - в поэме Некрасова - ясно звучала интонация вызова. О фильме Мотыля даже говорят чуть ли не как об экранизации. Действительно, многие эпизоды воспроизводят в разной степени сцены из Некрасова и это создает мелодраматическую основу фильма. Но мелодрама, даже сыгранная блестящими актерами, служит в фильме скорее историческим контекстом для той сюжетной линии, которая и обеспечила длительную, достаточно широкую популярность кинокартины, определила основную музыкальную тему. Линии этой – Иван Анненков и Полина Гебль – не было, да и не могло быть у Некрасова, во всяком случае в замешанной на иронии стилистике водевиля, да еще с привкусом авантюры, которую нашли и воплотили сценаристы, режиссер и актеры. Полина Гебль – не жена, а по фильму даже не невеста, скорее - любовница, которую повеса Иван Анненков хочет сделать женой, подчинив своему неукротимому нраву. Нрав оказывается мятежным - великосветский повеса и Дон-Жуан становится декабристом, а юная француженка, еще недавно шокированная варварской страной и необузданностью поклонника, обнаруживает непреклонную решимость идти открыто навстречу с любой дикостью, но отстаивать свое право быть рядом с возлюбленным. Свободолюбие против варварства, свободный выбор в пользу любви. Авторы вольно или невольно устранили, точнее заместили обаянием образа непроговоренность причин добровольного изгнания декабристок, возникшую в атеистической стране. У Некрасова «подвиг любви бескорыстной» если не мотивом, то основой имеет глубокие христианские чувства и княгиня Трубецкая говорит иркутскому губернатору о святости долга, которому следует. Окружение Екатерины Трубецкой и Марии Волконской, даже те люди, которые отговаривают их, понимают, чем продиктовано неукротимое движение за мужьями. В советском сознании религиозные смыслы распались и подвиг декабристок выглядел поступком неожиданным и дерзким по отношению к «высшему свету». Однако ни историки, ни популяризаторы не развили эту оценку до версии сознательного социального протеста. Единственным понятным и очевидным мотивом оставалась беззаветная любовь - и словосочетание «подвиг любви бескорыстной» звучало уже как напоминание о силе и испытании женской любви, тем более, что избранники, восставшие против самодержавия, были достойны самых сильных чувств. А слова о «обете бескорыстной любви», которые в некрасовской поэме убежденно произносит Мария, укрепляя при встрече в Нерчинске дух Екатерины Трубецкой, уже и не цитируются. Но любовь не могла объяснить всё – того, что следуя к мужьям, матери расставались навсегда с детьми, что в сибирской ссылке семейная жизнь могла складываться непросто. У поэта и писателя-исследователя, иркутянина Марка Сергеева вышла в 1975 году документальная повесть «Подвиг любви бескорыстной», состоявшая из очерков о пяти декабристках. Книга вышла в серии книг для юношества и, естественно, что одним из самых заметных портретов был очерк о Марии Раевской-Волконской, воспетой Пушкиным и Некрасовым. В том же году, к 150-летию восстания Марк Сергеев пишет пьесу по «Запискам княгини Волконской», в которой темы «в Сибирь за нелюбимым мужем», «Мария и Александр Поджио» становятся предметом обсуждения. Сам автор и его современники, читающие на сцене «Записки», растеряны – что-то не складывается в чарующем образе. (Сноска: Следующую книгу, в которой были очерки о двенадцати женщинах, приехавших в Сибирь вслед декабристам, Марк Сергеев называет уже «Несчастьем верная сестра» - Иркутск, 1992). «Звезда», вышедшая на экраны в те же дни, когда в Иркутске был поставлен спектакль, эту растерянность игнорировала, рифмуя Любовь со Свободой. Образы женщин воплощали право личного выбора судьбы. Фильм “Звезда пленительного счастья” показывают по телевизору в юбилей восстания на Сенатской площади и непременно по одному из телеканалов 8 марта – в

женский праздник. Он «не заметил» советских идеологических смыслов – модистка из Парижа никак об этих смыслах не напоминала. По словам Владимира Мотыля, «Звезде» предшествовало несколько попыток «пробить» сценарии о декабристах. Последний вариант «Комета – судьба моя» был посвящен именно истории Анненкова и Гебль, но киновласти его не дали снимать, мотивируя это нерусской фамилией и происхождением героини. Замечательно, что Екатерина Ивановна Трубецкая – в девичестве Лаваль, дочь французского эмигранта, получившего от Людовика XVIII графский титул, идеологический надсмотр не беспокоило. Некрасов сделал её образ русским национальным – не в этническом, в культурном смысле этого словосочетания. И хотя именно такой образ естественно и глубоко воплотила Ирина Купченко, но он был один из трех. Эва Шикуньска в роли Гебль создавала совсем другой национальный характер. А Наталья Бондарчук представила Марию Волконскую в контрапункте взросления, рождения самостоятельной личности и это оттесняло на периферию внимания национальные и социальные смыслы, которые присутствуют в фильме, в образе Марии и её близких. Название «Русские женщины» было бы нелепым для того, что мы увидели на экране и можно сказать, что фильм, опираясь на поэму, «не заметил» эту традицию, идущую от Некрасова, во всяком случае авторы не ставили перед собой задачу её продолжить, они были увлечены другими – не идейно-воспитательными - задачами. Однако результатом стало обновленное нравственное звучание образа декабристок.

Другая ассоциация оказалась неуязвимой для времени, для смены эпох. «Декабристки» звучит как напоминание о том, что Сибирь – суровая страна. Все, чем пугал Екатерину Ивановну Трубецкую в поэме Некрасова иркутский губернатор, стало неотъемлемой частью высокого мифа о добровольном изгнаничестве женщин, более того придавало особую высоту подвигу декабристок. В свою очередь подвиг женщин был и остается главным компонентом воспитывающего мифа «Декабристы в Сибири». Сибирская жизнь декабристов – особый мир, удаленный в пространстве, времени, в мироощущении не только от дворянского света Петербурга и Москвы, но и от мира тайных обществ, восстания на Сенатской, «пугачевского» марша Муравьева-Апостола. И точно также (хотя не только вследствие этого) образ декабристов и их жен обрел в сибирских городах совсем иное бытие, чем в культуре, создаваемой в столицах централизованной страны.

Декабристы(тки) в Сибири . Домашний пирог.

“У коренного населения декабристы пользовались большим уважением, занимались врачеванием, обучением грамоте и ремеслам, за что были ласково называемы Красным Солнышком. Не раз Бестужевы бывали в Кяхте, называли её “забалуи-городок”, имели здесь немало друзей”
Альманах “Кяхтинская старина”, с. 91

В октябре 2003 года Читинский театр драмы открывался после ремонта, поэтому начало сезона было обставлено как небольшой городской праздник – по-домашнему, с гостями-строителями, с подарками, с поздравлениями. И спектакль был выбран на “домашнюю” читинскую тему – сценическая композиция о декабристах в Чите. Декабристов в Чите было много – несколько десятков человек и авторы спектакля предпочли сделать портрет групповым как на монументальном панно – в программке персонажи обозначались предельно просто “декабристы” и напротив были перечислены актеры. А главных героев было двое. Прежде всего - Пекарский – комендант Читы, старый служака, по-отечески опекавший каторжан. В конце спектакля, когда вышли на поклон, главные аплодисменты достались ему – хлопали явно не актеру, а герою. Основной идеей спектакля была идея сибирского поприща декабристов и расцвета Читы благодаря тому, что она стала местом их наказания. Именно благодаря этому Чита оказалась причастной к большой истории - домашнее соединилось с великим - и первый цветок все же понесли не Пекарскому, а императору, который как персонаж общероссийского масштаба воплощал большую историю. По ходу композиции именно Николаю, а не декабристам или их женам, было доверено читать послание Пушкина сибирским изгнанникам и император делал это почти как киношный Пушкин – с легкостью и поэтическим пылом – а, войдя в образ поэта, закончил посланием Чаадаеву - правда, поменяв личное местоимение и превратив таким образом мечту в обещание: “И на обломках самовластья напишут ваши имена”. И всё ждал – ждал просьбу о помиловании. Не дождался и, когда понял, что не дождется, разрешил читать газеты и книги - смирившись с их непреклонностью и проявив историческую мудрость.

Именно царю, когда актерам вручали цветы, понесли домашний пирог с повидлом. Его несли на противне две женщины. Актер, игравший Николая, пирог не брал. Женщинам пришлось встать перед актерами и демонстрировать пирог залу, заслоняя Николая, явно взбешенного таким приземлением высокого искусства и монаршего образа. Пирог подхватил актер, игравший одного из декабристов, чтобы выручить женщин и театральную эстетику. Образы декабристов от этого не приземлялись – они в Чите такие же домашние, “свои” как в Кяхте или Тобольске. Настолько домашние, что в Петровске-Забайкальском, например, местные власти санкционировали крупное панно на здании вокзала не просто с текстом ответного стихотворения Одоевского

Пушкину, но и с крупно выписанным заглавием – “Наш ответ” - не заметив двусмысленности, намеренной или случайной.

Читу заключенные в ней декабристы собственно и превратили в город. В Кяхту декабристы только наезжали пообщаться с образованными людьми, поиграть в карты или, как, например, Николай Бестужев, подзаработать писанием портретов. В честь Бестужева в Кяхте названа улица. В Чите, то есть на юго-востоке сибирских пространств, и Ялуторовске, то есть на их северо-западе, с декабристами связывают планомерность застройки «а ля Петербург», считая их реформаторами городского пространства (как пояснила смотрительница музея в Чите про Дмитрия Завалишина «он тосковал по своему Васильевскому острову, а там все прямо – вот и у нас линии как в Петербурге»). А там, где декабристы не наладили сибирскую жизнь, её как минимум сделали культурной. Иркутянин, выросший в советское время, твердо знает, что именно декабристы (а по сути две жены декабристов – Екатерина Трубецкая и Мария Волконская) дали начало культурному миру города. И Дом Волконских поддерживается не только как музей, но как романтический салон и это стилистически довольно точно: романтизм – неотъемлемая часть декабристского мифа в Иркутске.

Везде, от Приуралья до Забайкалья, декабристы –символический капитал, доказывающий, что город не был в стороне от большой истории. Более того, в советское время благодаря декабристам сибирские города и поселки вписывались в историю русской революции, места каторги и ссылки представляли в своих локальных историях оазисами свободомыслия.

Помимо укрепления городского патриотизма миф “декабристы в Сибири” обеспечил еще и кропотливую работу литераторов, краеведов, университетских историков. Именно кафедры сибирских университетов стали основой для существования “декабристоведения”. Сибирская жизнь декабристов стала предметом подетального и поименного изучения - конечно, фактографического, в полном соответствии с традициями советской “истории Отечества”, но благодаря этой работе создана великолепная источниковая база, представленная и актуализированная, например, серией «Полярная звезда». Инициатором и основным издателем серии также стало провинциальное – Восточно-Сибирское – издательство.

Объемная и систематичная публикация письменного наследия декабристов позволяет отчетливо увидеть, что их сибирская жизнь – «не приложение к существованию до 14-го декабря и к трагической развязке. И она недооценена в качестве важного какого-то фрагмента русской российской жизни» (Михаил Гефтер). Эта недооценка кажется уже фатальной. Духовный сибирский опыт декабристов – предмет не описания, а историософии России, которая не могла существовать в советское время, но те, кто претендует сегодня быть историософами, также не делают «декабристов после декабря» своим предметом.

“В молодости я думала “Ах”, но с возрастом начала понимать, что большие исторические шаги можно делать только обдуманно”

(искусствовед, ведущий научный сотрудник Эрмитажа. Из телепередачи “Мятеж на Сенатской”, т/к Культура, 23 декабря 2004 г)..

Уже высказывалось мнение, что не должен стоять камень напротив церкви, уже ходил по иркутским газетам слух, оказавшийся ложным, что Зураб Церетели предложил городу проект памятника декабристам. Общественной дискуссии вокруг мнений и слухов не возникало, хотя другие исторические персонажи продолжают волновать. Вряд ли кто-то рискнет убрать памятный камень в ближайшие годы и вряд ли кто-нибудь развернет кампанию за то, чтобы установить, наконец, памятник.

«Политический инвентарь» важнее задач самосознания и потребность утвердиться, расставляя оценки прошлому, значимее потребности в философии русской истории, а, значит, в памяти без изъятий. Либералам, стремящимся заменить революционную топонимию на имена реформаторов, много важнее Михаил Сперанский – реформатор и либерал, которому декабристы в случае успеха переворота готовы были вручить бразды республиканского правления. После подавления мятежа новый император поручил Сперанскому разработку сценария расправы и Сперанский решил задачу, как всегда, нетривиально и сумел сохранить себя для советов новому императору. Об этом этапе жизни и деятельности великого государственного мужа с либеральными убеждениями нынешний российский либерализм не поминает и это можно понять – принимая в наследство реформаторские устремления, трудно признать себя и наследниками тех грехов, которые совершаются из убеждения, что дело реформирования в России прямо пропорционально зависит от искусства влиять на власть предрежащих.

Государственникам декабристы тоже ни к чему, может даже потенциально опасны: их программы

переустройства империи предполагали решение ключевой проблемы российского государственного устройства – обеспечение нестесненного развития краев и земель России, были устремлены к реальной, а не виртуальной федеративности.

Целью расправы Николая I над дворянами, унижившими его неподчинением, было вычеркивание их из памяти “своего” (Его – царя - и Их) круга. Царствование Николая и для него самого стало неожиданностью и он не только мстил тем, кто усомнился публично в его праве быть во главе России, он устранял саму память о сомнениях и дерзко усомнившихся. Каторга и ссылка в Сибирь – не только наказание, перенесение в пространстве как можно дальше от жизни общества, по сути в небытие. И препятствия, которые царь и его порученцы одно за другим ставили перед декабристами - не только стремление остановить женщин, стремившихся из любви и (или) христианского долга вслед мужьям и возлюбленным. Предлагаемые условия были выбором пути ухода в небытие: или забудьте о мужьях, или свет забудет не только о них, но заодно о вас и ваших будущих детях. Логика исторжения декабристов из памяти общества оказалась очень действенной. И советский этап вписался в эту логику, сконструировав мифологию достаточно поверхностную, чтобы выскользнуть из социальной памяти, как только исчезли юбилейные и школьные напоминания о ней.

Вернувшись из небытия в пору александровских реформ, декабристы оказываются на грани забвения в эпоху реформ постсоветских.

В современной идейно-политической России декабристы нужны разве что «патриотам». Батюшка в Урике настаивает, что надгробному памятнику государственного преступника Никиты Муравьева не место в ограде православного храма, газета “Православное Забайкалье” напоминает о масонстве (а, значит, враждебности России и истинной вере) декабристов. Иркутский поэт в связи с юбилеем Федора Тютчева противопоставляет его патриотизм космополитизму тех, кто вышел на Сенатскую и развивает тютчевский образ дыхания железной зимы: силы самой стихии смели с площади бесовское, занесенное европейскими ветрами, неукорененное в народных толщах. Как не вспомнить ленинское «Страшно далеки они от народа!». В нынешних условиях, когда участников споров, имитирующих общественную дискуссию, интересует в историческом наследии не «что сказано», а кем сказано, ленинская формула сыграла дурную шутку с декабристами. Место декабристов как исторических предтеч большевистской революции затвержено нынешними полемистами со школы и они предпочитают не только не читать Трубецкого или Поджио (как впрочем и других умнейших людей России), но просто не помянуть их.

Конечно, жизнь страны не сводится к идейно-политической и декабристы не исчезнут в России из социальной памяти - есть город Чита, есть село Урик, есть обаяние пушкинского века. Нет желания разглядеть вопросы и самой культуры вопрошания прошлого. Империи вырастают на победах, на культе побед и одно из свойств человека империи - неумение принимать в наследство поражения, переводить их в вопросы.

Будучи перенесенными мстительным наказанием из имперских столиц в другую, неизвестную Россию, «люди 14 декабря», во всяком случае – некоторые из них – смогли жить не прошлой жизнью, а новым опытом, чтобы из этого опыта решать вопросы о свободе, личном выборе, отношениях с историей, чтобы перестать быть «людьми империи». Отказываясь всмотреться в опыт декабристов, мы теряем возможность найти

необходимые вопросы.

Михаил Рожанский, для сборника "Урочища русской памяти"

Автор: Артур Скальский © Центр независимых социальных исследований ИСТОРИЯ, ИРКУТСК 👁 5655
19.12.2005, 16:31 📄 286

URL: <https://babr24.com/?ADE=26671> Bytes: 32394 / 32268 Версия для печати

👍 Порекommendовать текст

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- Телеграм
- Джем
- ВКонтакте
- Одноклассники

Связаться с редакцией Бабра в Иркутской области:

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

